

Ли Цзиньсю посмотрела на неё:

— Разве ты не человек с узким кругозором?

Ань Тун, рассерженная, надула щёки, пока Ли Цзиньсю не пошутила:

— Это мама ошиблась, наша Тун обладает широким сердцем, а человек с узким кругозором — это Сюй Сянжу.

Ань Тун всё ещё была раздражена:

— Мама, я серьёзно!

Только тогда Ли Цзиньсю села с серьёзным видом:

— Хм, ты права. Хотя молодая госпожа из семьи Сюй не раз заставляла тебя страдать, я восхищаюсь её непоколебимостью и стойкостью. Ты не можешь сравниться с ней в терпении и уме, поэтому тебе и приходится страдать от неё.

Ань Тун начала сомневаться, действительно ли она дочь Ли Цзиньсю. Неужели из-за того, что Сюй Сянжу — главная героиня, даже её мать должна склониться перед ней?

Ли Цзиньсю погладила подбородок и сказала:

— Знаешь ли ты, почему молодая госпожа из семьи Сюй тоже несколько раз проиграла тебе?

Ань Тун, опасаясь, что Ли Цзиньсю снова подстроит ей ловушку, тщательно подумала и с некоторой неуверенностью ответила:

— Она... она не проиграла мне, она проиграла семье Ань.

Ли Цзиньсю рассмеялась:

— У тебя ещё есть немного самосознания, значит, ты не совсем глупа. Но всё же, дочь Ли Цзиньсю не может быть полностью похожа на твоего отца, по крайней мере, в чём-то она должна быть похожа на меня.

Ань Тун убедилась, что она действительно дочь Ли Цзиньсю, по крайней мере, в оценке «самовосхваления» они обе не знали, что такое скромность.

— Молодая госпожа из семьи Сюй — умный человек. Она знает, что если не даст тебе хоть какую-то выгоду, ты не успокоишься. Тогда это уже будет не только твоё дело с ней, но и семья Ань вмешается. Семья Сюй — это низший класс, как они могут противостоять семье Ань?

Слова Ли Цзиньсю заставили Ань Тун почувствовать тяжесть в груди. Неужели все эти годы её противостояние с Сюй Сянжу, их взаимные нападки, были результатом того, что Сюй Сянжу просто уступала ей? Нет, она верила, что всё это было добавлено автором в образ главной героини!

Заметив, что настроение Ань Тун упало, Ли Цзиньсю рассмеялась:

— Конечно, она тоже не раз терпела поражения от тебя, ведь ты активная и часто можешь удивить. Её характер как раз подавляется твоим. Но если бы семья Сюй была такой же влиятельной, как семья Ань, ты бы всё равно оказалась под её давлением.

Ань Тун не почувствовала себя утешённой:

— Мама, давай больше не будем вспоминать прошлое!

Поля семьи Сюй были убраны и обработаны за почти десять дней. Семья Ань тоже организовала сбор урожая, но цена на зерно с плодородных земель, конечно, не могла быть такой же, как с низкокачественных, ведь в плотности и вкусе всё же есть некоторые различия.

Зерно с плодородных земель было куплено по 70% от цены риса, а с низкокачественных — по 60%. Однако, в отличие от зерновой лавки семьи Ли, цена на рис не определялась по местным стандартам, а была установлена по ценам в приграничных областях.

Цзяннань и Хуайнань всегда были регионами с относительно стабильными ценами на зерно. Если не происходило стихийных бедствий или войн, цены на зерно не менялись значительно. А в Хунани, Фуцзяни и Гуаннани, из-за малой плотности населения и низкого спроса на зерно, цены были очень низкими. Покупать зерно в этих регионах было явно невыгодно.

Только в приграничных областях, где не хватало продовольствия для армии, цены на зерно были выше, чем в других местах.

Крупные семьи либо запасали зерно, чтобы заработать на стихийных бедствиях, либо продавали его через другие каналы в приграничные или пострадавшие от бедствий регионы, чтобы получить прибыль.

Обычные люди или мелкие зерновые лавки, естественно, не могли связаться с такими каналами, но у семьи Ань как раз были связи, оставленные предками, и на протяжении многих лет семья Ань продавала излишки зерна через этот канал.

Однако это не было обязанностью старосты Аня. Когда он и его младший брат делили имущество, они уже распределили обязанности в семье Ань:

Староста Ань был старостой и будущим главой клана, отвечающим за все внутренние дела семьи. Второй дядя Ань отвечал за продажу зерна, и если он плохо справлялся, в клане всегда был кто-то, кто мог его заменить.

Братья действовали сообща, что позволило семье Ань, несмотря на отсутствие чиновников, оставаться влиятельной в уезде Таоцзян на протяжении десятилетий.

Раньше Ань Тун не знала о внутренних делах семьи, но теперь Ли Цзиньсю, похоже, хотела, чтобы она начала с ними знакомиться, чтобы в будущем не остаться в неведении и не позволить родственникам или мужу разграбить семейное имущество.

После того как Ань Тун переварила эти вещи, которые она узнала только после двух жизней, она стала лучше понимать, почему семья Цзян не осмеливалась и не хотела расторгать помолвку. Она сожалела о наивности своей прошлой жизни и решила, что в будущем будет больше интересоваться делами семьи Ань.

Наследие семьи Ань дало Ань Тун некоторую уверенность, но как только она вспомнила, что за пределами Таоцзяна на стороне главной героини стоит член императорской семьи, её сердце снова заколотилось.

Хотя Чжао Вэйцай, член императорской семьи, был всего лишь князем, но даже сыновья императора не получили титулов, а он, племянник императора, был удостоен титула, что

говорит о его выдающихся заслугах.

В сравнении с этим семья Ань казалась уже не такой значительной.

— Так что нужно быть хорошим человеком и хорошо относиться к Сюй Сянжу!

С этим осознанием Ань Тун взяла деньги от продажи зерна и направилась в дом Сюй.

Двор семьи Сюй был оживлённым. Ань Тун издалека увидела госпожу Ван из семьи Сюй и Сюй Сянжу, которые что-то колотили. Подойдя ближе, она увидела, что они толкут рис.

Сюй Сянжу нажимала на рычаг ступы, заставляя пест снова и снова опускаться на зёрна, сбивая с них шелуху, а госпожа Ван спереди время от времени разравнивала зёрна в ступе.

Работа госпожи Ван была лёгкой, а толчение требовало больших усилий. Когда Ань Тун подошла, она увидела, что на лбу Сюй Сянжу прилипли пряди волос, а её здоровая кожа покраснела. Эта работа, которая должна была выполняться сильными мужчинами, легла на плечи Сюй Сянжу, что вызывало сожаление.

Ань Тун, опершись на низкую стену двора семьи Сюй, наблюдала за Сюй Сянжу. Она давно заметила, что по цвету кожи она и Сюй Сянжу были примерно одинаковыми.

Но в деревне красоту определяли не по цвету кожи, поэтому в глазах многих влюблённых юношей она, казалось, уже проиграла Сюй Сянжу. Значит ли это, что даже если она станет светлее, она всё равно не сможет сравниться с Сюй Сянжу?

При этой мысли ей стало немного обидно.

Молча понаблюдав за госпожой Ван и её дочерью, она наконец заговорила:

— Почему бы вам не продать всё это зерно и не купить уже готовый рис, зачем самим толочь?

Сюй Сянжу, уставшая, остановилась, чтобы отдохнуть, и как раз в этот момент подняла голову и увидела Ань Тун.

Госпожа Ван, заметив Ань Тун, стала более приветливой, чем обычно:

— Молодая госпожа Ань пришла, заходите, садитесь, на стене много пыли! — и велела Сюй Сянжу:

— Принеси две чашки тёплой воды для молодой госпожи и Цуйжоу.

Ань Тун отряхнула рукава и вошла в дом Сюй, затем остановила Сюй Сянжу:

— Не беспокойтесь, я посижу немного и уйду.

Сюй Сянжу высвободила руку, взяла полотенце с пояса и аккуратно вытерла лоб:

— Молодая госпожа Ань, садитесь. Даже если вам не нужна вода, мне и маме всё равно нужно пить.

— Хорошо, — Ань Тун с неохотой отпустила руку и велела Жэнь Цуйжоу:

— Тогда, Цуйжоу, пойді помоги.

Жэнь Цуйжоу послушно последовала за Сюй Сянжу на кухню, и в главной комнате остались только Ань Тун и госпожа Ван. Ань Тун, не дожидаясь, пока госпожа Ван заведёт с ней разговор, достала деньги, которые полагались семье Сюй.

— Это деньги за пять му плодородной земли семьи Сюй у реки. Пять му дали двадцать один дан зерна, по девятьсот вэнь за дан, по 70% от цены риса, итого тринадцать гуань двести тридцать вэнь. По договору, отруби и неочищенный рис вам не возвращаются.

Госпожа Ван кивнула:

— Это естественно.

Семья Ань дала 70% от цены риса, а цена риса была на триста пятьдесят вэнь выше текущей рыночной цены, так что семья Сюй явно выиграла.

— Я не могу носить с собой тринадцать гуань, поэтому я приготовила ассигнации. Эти ассигнации можно обменять на наличные в любой обменной лавке в Цзяннани и Чуаньшу.

Госпожа Ван улыбнулась:

— Я верю семье Ань.

Ань Тун также отдала госпоже Ван деньги за остальное зерно. Восемнадцать му земли семьи Сюй, за вычетом оставленного на семена и для собственного потребления, принесли тридцать шесть гуань, что на четырнадцать гуань больше, чем предлагала зерновая лавка семьи Ли.

<http://bllate.org/book/16381/1482385>